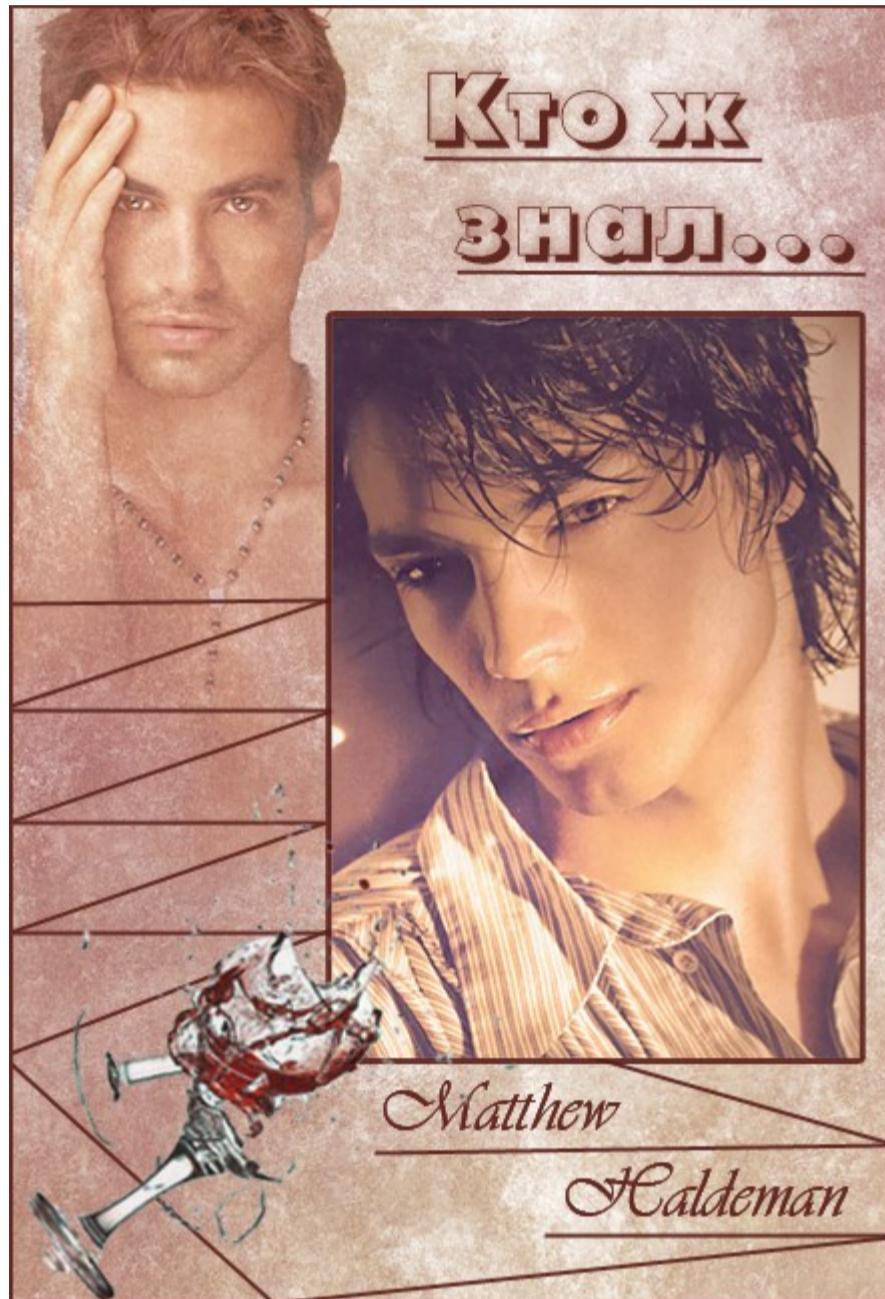

Мэттью Хоулдман

Кто ж знал

Перевод: Zhongler
Обложка: Zhongler

Усевшись на стул у кухонной стойки, Эван взял протянутый другом бокал вина.

- И что тут у нас?

- Вырезка в вишневом соусе, печенный картофель, горошек с мятой и фруктовый салат с греческим орехом, - ответил Гаррисон.

Эван медленно потягивал вино, наблюдая за тем, как он рубит для салата орехи.

- Ты ведь не ждешь, что я буду тебе с этим помогать?

- Нет, конечно, я же знаю тебя.

Громко хлопнула входная дверь.

- Габриэль? - позвал Гаррисон. По коридору, а потом и по лестнице загрохотали поспешные шаги. Хлопнула еще одна дверь.

- С ним все в порядке? - спросил Эван, бросив взгляд на второй этаж.

- Нормально все, - невозмутимо ответил Гаррисон.

Ну, если он так говорит. Эван практически не общался с Габриэлем и знал о нем очень мало – только то, что слышал от друга и что подметил сам, наблюдая за парнем со стороны. Отношения между этими двумя были не совсем понятны ему, но он делал выводы из того, что видел. Гаррисону тридцать два, он успешен и хорошо зарабатывает, спокоен и терпим, в то время как Габриэлю двадцать один, он необыкновенно красив и избалован. Габриэль жил у Гаррисона дома, не платя ни цента за ренту, еду и все прочее. Друг покупал ему одежду, оплачивал ремонт его машины и бензин, и время от времени дарил ему подарки. Такие, как dvd-плеер или ноутбук.

Они были вместе уже пять месяцев.

Габриэль переехал к Гаррисону четыре месяца назад. Днем он учился в университете, вечерами или ходил по клубам, или готовился к занятиям, или удовлетворял Гаррисона. Развлекаясь один, он трахался с другими. Гаррисона это устраивало, если при этом Габриэль не притаскивал никого домой и просыпался рядом с ним по утрам.

- На ужине он может быть немного невежлив, - предупредил друг. - Не обращай на это внимания.

- А что случилось? - спросил Эван. Интересно, какие проблемы у него могут быть? Может, друзья смеются над ним из-за того, что он – мальчик на содержании? Если это так, то... молодцы они, так как полностью правы.

- Он разозлился, когда я сказал, что приглашу тебя на ужин, - ответил Гаррисон.

Эван решил не принимать это на свой счет, пока друг не добавил:

- Думаю, ты ему не нравишься.

- Я ему не нравлюсь? - Естественно, Эван и не ждал, что Габриэль будет его обожать, но чтобы он его невзлюбил? Они же едва знают друг друга. Ну, он знает интимные подробности сексуальной жизни Габриэля, но кроме этого...

- Не знаю, почему. Наверное, ревнует.

- Ревнует? - Он вообще переставал что-либо понимать. - Неужели красивые молодые парни, ведущие активную половую жизнь и имеющие стабильный источник материальных благ могут к кому-то ревновать? - Конечно, Эван не оборванец, он довольно хорошо сложен, довольно привлекателен, довольно обеспечен, но и довольно... скучен. Двадцативосьмилетние бухгалтера обычно не вызывают особого восторга и интереса.

- Готово, сейчас только остынет, - проверил мясо Гаррисон. - Я тут почти закончил. Сделай одолжение, сходи за Габриэлем.

- Я? - Если Габриэль не в духе из-за него, то разве не лучше другу самому его позвать?

- Давай быстрее. Я пока накрою на стол.

Ладно. Эван вышел в холл и поднялся по лестнице. Обойдя лежащий на полу рюкзак, он направился дальше по коридору.

- ...здесь. Нет, прямо здесь. Он сейчас здесь, внизу. Я знаю, об этом и талдычу тебе. Нет, я не знаю, я пытался утром поговорить с ним об этом, но... да, именно. - Тихий, судорожный вздох. - Я не знаю, просто не знаю, это как... - приглушенный, отчаянный вздох. - Да, и теперь я должен выдержать этот ужин. Слушай, да важно не то, что я надену, а то, что я буду говорить!

Ему надо было просто закричать снизу: «Кушать!» Входя в открытую дверь спальни, Эван прочистил горло.

- Гаррисон накрывает ужин.

Обнаженный по пояс, со съехавшими на бедра джинсами, открывающими черные боксеры, с трубкой в одной руке, Габриэль другой рукой смахнул с серых глаз мешающуюся прядь волос.

- Черт. Эм... мне нужно идти, пока. - Он нажал на отбой и бросил телефон на кровать. - Привет.

- Привет, - ответил Эван, разглядывая Габриэля. Он знал, что Гаррисон был бы не против такого открытого любования его мальчиком. У Габриэля гладкая, бледная, кремовая кожа. Соблазнительные полные губы. Искрящиеся глаза. Копна растрепанных черных кудрей. Стройное тело. И по брильянту в каждой мочке – благодаря Гаррисону.

- Ты можешь выйти, чтобы я переоделся? - спросил Габриэль. - Или специально пришел поглязеть?

- О. - Сам Габриэль, видимо, против того, чтобы его пожирали глазами. - Прости.

Коротко и извиняюще улыбнувшись, Эван спустился в кухню. Он мало что понял из телефонного разговора Габриэля, но услышанное явно не сулило приятного вечера.

Почему Габриэль его невзлюбил?

Почему ревнует? Потому что они с Гаррисоном друзья? Они дружат уже много лет, хотяссорились и мирились тысячу раз. Их матери были лучшими подругами, так что несмотря на разницу в четыре года они вынуждены были часто проводить время вместе. Они вместе отдыхали, вместе ходили на занятия по актерскому мастерству, вместе тусовались... Да, они были близки, им было о чем вспомнить, но они никогда, никогда не заходили дальше слюнявых поцелуев. Чтобы ревновать к нему, Габриэль должен быть не уверен в себе.

По Габриэлю же такого не скажешь.

- Все нормально? - спросил Гаррисон, вытирая стол.

- Уху. Он ведь знает, как сексуален? - Да слово «сексуален» совершенно не передает того, какой он. Габриэль настолько хорош, что даже трудно подобрать подходящее слово.

- Знает, - ответил друг. - И делает все возможное для того, чтобы все вокруг тоже это знали.

На лестнице раздались шаги, и Эван повернулся как раз, когда Габриэль входил в кухню. Он еле удержался, чтобы не спросить: "Как учеба?" Это прозвучало бы так, будто третьеклассника спрашивает о школьных успехах снисходительный взрослый. Габриэль спустился в джинсах и черной футболке, с босыми ногами. Интересно, что бы он надел на занятия, если бы после них нужно было пойти на ужин?

- Как психология? - спросил друг, как только они сели за стол. - Получил результаты?

- Да. - Габриэль передал Эвану горох. - Я набрал 91 балл.

- Эван хотел быть психологом, - сказал Гаррисон.

- А еще я хотел быть пожарником, - ответил Эван. - И Мадонной.

- Его желание стать пожарником было далеко не альтруистическим, - объяснил Гаррисон Габриэлю.

- Я просто хотел выносить из горящих зданий очаровательных парней.

- Чтобы они потом могли отблагодарить тебя сексом, - добавил друг.

- Ничто так не поможет тебе почувствовать себя героем, как благодарственный минет, - улыбнулся Эван.

- Бухгалтерам часто перепадают минеты? - спросил Габриэль.

По тону его голоса и выражению лица не было понятно, что это – любопытство, шутка или оскорблениe. Эван ничуть не сомневался, что Габриэлю сделает минет кто-угодно и когда угодно, стоит ему этого захотеть. Эван не был таким везунчиком.

- Большинство благодарных клиентов дают мне лишь деньги. Но от сексуальных любезностей я никогда не откажусь.

- Думаю, тебе это не по карману. - Губы Габриэля растянулись в идеальной копии добродушной улыбки, глаза же выражали враждебность – серую, как грозовая туча.

- А кем хочешь быть ты, когда повзрослеешь? - спросил Эван. - Полезным членом общества? Или ждать от тебя этого – слишком много?

- Пошел ты, - рыкнул Габриэль, сбрасывая маску-улыбку.

Зазвонил телефон. Встав из-за стола, Гаррисон поцеловал Габриэля в макушку.

- Успокойся, - сказал он и пошел отвечать на звонок.

- Знаешь, - начал Эван, отрезая себе мяса, - Гаррисон не говорил мне, что ты настолько же беспардонен, насколько сексуально озабочен.

- Гаррисон не говорил мне, что ты хочешь меня, - ответил Габриэль. - Может быть, он этого не знает.

Эван засмеялся. Это что, угроза?

- Все тебя хотят. Я обычный смертный. У меня такой же плохой вкус, как и у всех.

Гаррисон вышел из кухни с трубкой в руке. Кажется, ему звонили по рабочим делам.

Эван с Габриэлем молча принялись ужинать.

Габриэль сексуально слизнул со своей соблазнительной нижней губы вишневый соус.

- Твои родители знают, что ты живешь с тридцативосьмилетним мужчиной? - спросил Эван.

- Моя мама рада уже только тому, что я больше не прошу у нее денег, - ответил Габриэль.
Мило.

- А отец?

- У меня его нет, - спокойно сказал Габриэль, глотнул вина и мотнул головой, чтобы убрать с глаз челку. - А твои родители знают, что тебя тянет к молоденьким студентам?

- Нет, но если бы они увидели тебя, то, наверное, поняли бы меня, - ответил Эван. - Как ты оплачиваешь учебу? - За него платит Гаррисон? Но откуда тогда Габриэль брал деньги до встречи с его другом?

- На это мне оставили деньги бабка с дедом. На все четыре года не хватит, поэтому я и откладываю, сколько могу.

Откладывает то, что дает ему Гаррисон.

- Ты мог бы найти работу.

Ироничная улыбка.

- У меня есть работа.

Боже. От такого бесстыдного признания у Эвана стало нехорошо в животе. Положив вилку на стол, он потянулся за бокалом с водой. Он задавался вопросом, как они живут так? Как Габриэль может отдаваться за деньги, сам же считая это проституцией, и как на это смотрит сам Гаррисон? Неужели его друг настолько вымотан работой, чтобы трахать кого-то за деньги и принимать подобные условия?

- Это неплохое соглашение, - невозмутимо продолжил Габриэль. - Гаррисон замечательный человек. Я свободен, но в то же время он следит за тем, чтобы я не вляпался во что-нибудь и не испортил себе жизнь. У меня есть деньги, отличный дом, вкусная еда...

- Это деловое соглашение, - перебил его Эван в надежде, что Габриэль начнет это отрицать.

- Точно, - без колебаний согласился тот.

Эвану, не понятно почему, стало противно. Он и до этого не очень-то одобрял отношения между Габриэлем и Гаррисоном, но прикрывался цинизмом. Сейчас же ему казалось, что в таких отношениях пропадают два хороших человека. Или один хороший человек и какой бы там ни был Габриэль – он еще не решил, к какому типу людей его отнести.

- Неужели тебе не хочется чего-то большего? - спросил он. - Лучшего?

- Лучше, чем это? - удивился Габриэль. - Лучше новой одежды, нового ноутбука, удовлетворения всех моих потребностей, получения всего, чего я хочу?

- Ты не хочешь найти кого-то, кто будет тебе не безразличен? Кого-то, кому будешь не безразличен ты? - Не то чтобы Гаррисону было наплевать на Габриэля, но его симпатия никогда не перерастет во что-то более глубокое.

Безупречные, красиво-изогнутые брови приподнялись.

- А у тебя есть такой человек?

- Нет, - признал Эван, он хотел быть честен. - Но я хочу его найти. А ты нет?

- Что-то я не вижу, чтобы любовь стучалась в мою дверь. Зато прямо перед собой я вижу деньги, секс и уютное жилье.

- Ты умен, хотя ведешь себя глупо, - заметил Эван. - Умен, целеустремлен, поразительно красив. У тебя могла бы быть замечательная жизнь, твоя собственная жизнь, а не чужая.

Габриэль одарил его настороженным, неприязненным взглядом.

- Это и есть моя жизнь.

В комнату с дипломатом в руке вернулся Гаррисон.

- Простите, но мне нужно идти. - Он поцеловал Габриэля в бледную, гладкую щеку. Когда Габриэль подставил ему соблазнительно выпяченные губы, Гаррисон нагнулся, чтобы и их накрыть поцелуем. - Будь радушным хозяином. - Выпрямившись, он сжал его ладонь. - Вернусь поздно, так что не жди меня. - И ушел.

Эван размазывал еду по своей тарелке, не испытывая никакого аппетита. Услышав, как закрылась дверь гаража, он сказал:

- Пожалуй, я тоже пойду.
- Сейчас? - спросил Габриэль. - Ты не доел. К тому же тут наверняка еще есть десерт.
- Я не голоден, - ответил Эван, толкнув свой стул назад.
- Тогда сиди и смотри, как ем я, - заявил Габриэль. - Мы вели беседу, и я собираюсь ее закончить.
- А я нет. - Эван поднялся вслед за Габриэлем. - Скажи Гаррисону...
- Иди посиدي на диване в гостиной, - перебил его Габриэль. - Я принесу десерт.

Густые, черные локоны упали на лоб, закрыв темно-серые глаза, обрамленные завивающимися ресницами. Нежные, красиво очерченные губы, будто созданные для поцелуев и минетов, изогнулись.

- Гаррисон не должен был оставлять нас одних, - заметил Эван.

- Что тебе так не дает покоя? - спросил Габриэль, подняв одну руку и начав расстегивать его рубашку. Эван сглотнул, его пах напрягся. - Что я живу с мужчиной, старше себя, который прекрасно заботится обо мне?

Пальцы Габриэля медленно кружили по майке вокруг сосков Эвана. Тот понимал, что должен отстраниться, оттолкнуть Габриэля или велеть ему прекратить, но его член все наливался и наливался, а напрягшимся горошинкам сосков были приятны эти прикосновения.

- Или что я живу с мужчиной старше себя, который прекрасно заботится обо мне, но этот мужчина не ты? - мягко продолжил Габриэль.

Это глупо. Глупо.

- Мы даже не знаем друг друга, - ответил Эван, пойманный в ловушку глаз Габриэля. Его руки опустились на узкие бедра мальчика, потом скользнули вверх – по бокам, приподнимая черную футболку, оглаживая теплую как шелк кожу. Габриэль поднял руки. Стянув с него футболку, Эван отбросил ее в сторону и тут же прижал ладони к слегка накаченному, обнаженному торсу, к нежной, гладкой коже. Габриэль уже расстегивал ширинку на его штанах, и все тело Эвана горело от желания.

- Мы знаем то, что нужно знать, - ответил Габриэль. Он был так близко, что его можно было поцеловать – полные губы маняще приоткрылись, черные ресницы медленно опустились. От его близости у Эвана перехватывало дыхание. Габриэль просунул руку в раскрытую ширинку, обхватил ладонью и сжал его член, и Эван застонал – напряженный, горячий, возбужденный.

Он понимал, что нельзя этого делать, понимал, что достаточно зрел и умен, чтобы пойти на поводу у своих желаний, и прекрасно осознавал, чем все это может закончиться. Гаррисон – его хороший, близкий друг, и это его дом, и его мальчик. Габриэль необыкновенно красив и невероятно сексуален, но Эван может держать себя в руках. Все что ему нужно сделать – отстраниться. Уйти. Сказать «нет». Убежать.

- Эван, - прошептал Габриэль, черные пряди упали ему на лоб, щеки порозовели. Он смотрел прямо ему в глаза. Натянутая ткань боксеров между его ладонью и членом Эвана увлажнилась от смазки. Прерывисто дыша от желания, со стоящим как кол членом, Эван завороженно изучал обнаженный торс мальчика – твердые мышцы груди, красивые руки, розовые соски.

Эван хотел сказать «нет», но это слово не шло у него из рта. Габриэль стоял так близко к нему, что он чувствовал его неслышное дыхание. От медленной, умелой ласки руки Габриэля у Эвана трепетало все тело, и он беспомощно, тихо постанывал.

Почему Габриэль не целует его? Ему хотелось, чтобы он его поцеловал. Если Габриэль поцелует его, он сможет продолжить все это, оправдав себя тем, что инициатором был сам мальчик. Он хотел Габриэля, наслаждаясь ощущением его кожи под своими ладонями и не мог этим насытиться, его тело ныло от желания, и член сочился смазкой, жаждая большего.

Но Габриэль не целовал его. Не отрывал от него глаз, наклонялся все ближе и ближе, но не делал этого шага.

- Гейб, - выдохнул Эван, обхватив его за талию и притянув к себе.

Взгляд серых глаз метался по его лицу – от глаз к губам и обратно. Теплая ладонь нежно поглаживала щеку.

- Мне нравится твой член, - промурлыкал Габриэль, сжав его налитую плоть, от чего Эван чуть не кончил. - Он такой твердый.

Потеряв голову от соблазна и желания, Эван обхватил пальцами запястье Габриэля и, выдернув его руку из своих штанов, поцеловал. Нежные губы тут же приоткрылись, впуская его язык. Застонав, Габриэль тесно прижался к нему. Его тело было горячим и твердым, кожа – мягкой и гладкой, налитый член ткнулся в бедро.

Громко застонав, Эван обхватил и сжал ладонью задницу Габриэля, тихо зарычавшего в ответ. Другую руку он запустил в его густые волосы и зарылся пальцами в спутанные черные пряди. Такие шелковистые волосы, такие обжигающие поцелуи, такие требовательные стоны. Габриэль нетерпеливо терся о его бедра своими, пробравшись руками по майке и блуждая ладонями по его коже – лаская, поглаживая, дразня. Эван постанывал под лаской его ладоней, всем телом вздрагивая от желания.

Габриэль страстно целовал его, и, сжав его ягодицы двумя руками, Эван толкнулся бедрами навстречу его паху. Прерывистое от желания дыхание мальчика распаляло кровь. Эван должен трахнуть его, должен, должен, должен сделать это прямо сейчас. Его жадные ладони, ненасытные губы так и требовали этого. Его горячие стоны и ходящие ходуном бедра вызывали такое острое желание, что мозг Эвана отключился, подчинившись примитивным инстинктам.

Он за секунды избавил Габриэля от одежды. Стройное тело мальчика было великолепным, просто великолепным – бледная кожа, черные волосы, налитый член. Но смотреть на него было недостаточно. Эвану нужно было большее, нужно было заполучить это тело, взять его, отыметь. Габриэль снял с него штаны, и Эван усадил его на стол, не отрывая от его восхитительного рта губ, лаская его возбужденную плоть и шепча слова, полные страсти. И Габриэль стонал, дрожал, жаждал большего.

Под тарелкой Габриэля оказался пакетик со смазкой. Эван не знал, откуда он там взялся, и ему было на это плевать. Взяв его, он сдернул со стола скатерть, скинув всю посуду и еду на пол. Распластав Габриэля по столу, он смазал его горячую, соблазнительную задницу и, забросив ноги мальчика себе на плечи, двумя толчками вогнал в него свой член. Он не был медлителен и терпелив, нет, он не мог себя сдерживать. Обуревавшая его страсть несла его вперед, и он трахал Габриэля быстро и резко, стоная и рыча, вбиваясь в него со всей силы, все шире раздвигая его бедра.

- Эван, боже, да, да, ах, да, - стонал Габриэль, извиваясь и толкаясь ему навстречу, выгибаясь на столе, лаская свой член одной рукой и другой безуспешно пытаясь за что-нибудь уцепиться. - Он такой большой, такой большой, трахай меня им, да, сильнее, глубже, трахай меня...

Эван был уже на грани, он уже чуть ли не кончал – Габриэль был охренительно хорош, и он сам слишком сильно этого хотел. Эван не мог дышать, не мог думать, не мог остановиться, он мог только трахать и трахать, и трахать его, не отрывая глаз от красивого тела, утоляя его жажду, ощущая нарастающую внутри напряженную пульсацию.

Он прекрасно осознавал, что стонет – громко и хрипло, но все что слышал в этот момент – Габриэля, его голос и страстное желание в нем:

- Трахай меня, трахай меня им. Эван, мне это нужно, нужно, нужно, трахай меня им, жестко, сильно, пожалуйста..

И Эван вбивался в него все жесче и сильнее, и Габриэль изгибался дугой на столе, запрокинув голову назад – его грудь раскраснелась, шея выгнулась, черные локоны открыли лицо, разметавшись по столу. Движения его руки на члене ускорились, войдя в один с Эваном ритм, стали резкими и рваными. Эван толкался в него, мял его бедра, хрипло рычал, наслаждаясь совершенством сжимающих его горячих мышц, и Габриэль закричал, изливаясь на свою грудь густыми струями.

Вид погруженного в экстаз мальчика и его собственное имя, слетевшее с соблазнительных губ, были последней каплей – всего несколько толчков и Эван кончил, рыча от удовольствия и дрожа в оргазме.

Восстанавливая дыхание, Эван ощущал, как по всему телу разливается удовольствие. Он чувствовал удовлетворение и какое-то странновато-приятное удивление. Он только что трахнул Габриэля. Только что отымел такого красивого мальчика. Такого сексуального мальчика, что сам воздух вокруг него подрагивал от эротической энергии.

Эван опустился на расслабленного Габриэля, с восхищением разглядывая его. Он перебирал его влажные от испарины пряди волос, проводил дрожащими кончиками пальцев по красивым чертам лица, размазывал по груди капельки пота и сперму. У него такая гладкая кожа...

Когда Габриэль поцеловал его, Эван с беспомощным обожанием ответил на поцелуй. Он был пойман в ловушку, и сам не зная, как и почему, не желал сбегать.

- Идем наверх, - прошептал Габриэль между поцелуями в его губы.

Наверх. Наверху есть постель. Эвану хотелось заняться с ним любовью в постели. Доставлять ему удовольствие и смотреть, как он извивается от желания. Целовать его и...

Это же постель Гаррисона.

Дом Гаррисона.

Мальчик Гаррисона.

Эван так резко дернулся назад, что чуть не свалился со стола. Судорожно собирая свою одежду с пола, он избегал смотреть в сторону Габриэля, не смел даже взгляда на него бросить. Он переспал с парнем Гаррисона, с живущим с Гаррисоном мальчиком для траха или кто там он ему – неважно, как его назвать, важно, что Габриэль принадлежит Гаррисону.

- Черт. - Сжал в руках свои шмотки, Эван уставился на пол. Разбросанные вилки и ножи. Разбитые тарелки и бокалы. Рассыпанная еда. Лужицы воды, вина и вишневого соуса. Он...он... - Черт.

- Да все нормально, - тихо сказал Габриэль, изящно спускаясь со стола и смахивая с лица волосы.

Красивый. Бесподобно красивый. Эвану больно было на него смотреть. Эван не испытывал к нему таких чувств вчера. Не испытывал их еще час назад.

Или испытывал, просто сам себе в этом не признавался?

Как часто он придумывал разные предлоги для того, чтобы навестить Гаррисона в надежде хоть краем глаза увидеть Габриэля?

Как часто выспрашивал у Гаррисона, как поживает Габриэль, жаждая услышать хоть какие-нибудь новости?

Как часто с мукой в сердце сидел и слушал детальное описание сексуальных приключений друга за прошлую ночь? И мучил себя еще сильнее, задавая вопросы и желая знать больше, не в силах отказать себе хоть в таком косвенном опыте, переживая испытанное Гаррисоном вместе с ним.

До появления Габриэля в жизни Гаррисона, Эван встречался с другом в ресторанах, кафе, тренажерных залах. Теперь же при любой возможности он приходил к нему домой.

- Ничего не нормально, - ответил Эван. С громко бьющимся сердцем он смотрел на гладкую, такую гладкую кожу Габриэля. Такую бледную. Ему просто необходимо прикоснуться к ней. Провести по ней пальцами, поцеловать ее и, боже... - Ничего не нормально.

- Идем со мной наверх, - повторил Габриэль, подходя ближе – слишком близко. Эван был не в силах противиться ему. Несспешный, глубокий поцелуй Габриэля рождал новые желания и ноющую боль в сердце. Кожа Габриэля была горячим шелком под его ладонями, ласкающие пальцы выжигали на теле желание и любовь.

Вот поэтому он никогда раньше не приближался к Габриэлю. Потому что это было небезопасно. Потому что Габриэль был опасен. Потому что огонь обжигает.

- Я не могу, - прошептал Эван, но несмотря на свои слова обнял Габриэля за талию. Он знал, что может.

Габриэль снова поцеловал его. Эвана никто еще так не целовал – словно он особенный, притягательный, желанный. Эван не мог оторваться от его губ, пока Габриэль вел его по лестнице наверх, и они кое-как, запинаясь, добрались до второго этажа и пошли по коридору, останавливаясь через каждые пару шагов, чтобы обцеловать еще не обцелованные участки тела и прошептать еще не прошептанное.

Они занимались любовью в постели Гаррисона. Габриэль бел ненасытен, бесстыден, настойчив и восхитителен. Эван любил его и горячие страстные стоны переходили в обжигающие, полные желания крики.

Эван проснулся в темноте. Под его головой лежала подушка, но стопы упирались в переднюю спинку кровати. К нему тесно прижалось прекрасное, теплое тело. Одна рука обвивала его шею.

Часы показывали 3:19.

Если Гаррисон еще не вернулся, то вернется в любую секунду. Он увидит его машину во дворе. Увидит хаос в кухне. Увидит Эвана в постели со спящим, соблазнительно-обольстительным Габриэлем.

И что Эван скажет? Прости, я люблю его, кто ж знал? Прости, все мое тело горело от желания к нему, и я должен был его получить? Я не представляю, как смогу теперь оставить его, можно я перееду к тебе?

Закрыв глаза и уткнувшись носом в шею Габриэля, он вдыхал его тепло и аромат, перебирая пальцами пряди волос.

Эван не знал, как вести себя с Гаррисоном. Не знал, должен ли он солгать. Не знал, захочет ли Габриэль рассказать правду. Не знал, как прибраться, чтобы не осталось и следа от разбитых тарелок и бокалов. Единственное, что он мог сейчас сделать – отлепиться от тела Габриэля и убраться из постели Гаррисона.

Он поедет домой и поговорит с другом, если и когда Гаррисон потребует объяснений.

Может быть, друг проигнорирует это. Может быть, никогда больше с ним не заговорит.

Может быть, он сам так и не сможет ни на миллиметр оторваться от Габриэля.

- Это глупо, - прошептал он себе и обнял Габриэля еще крепче. - Это был просто секс, ты ему даже не нравишься. Иди же домой.

- Если ты пойдешь домой, я пойду с тобой. - Горячие ладони Габриэля прошлись по его коже. - Я быстро сберусь.

Сберусь? Эван посмотрел ему в глаза. Он почти не различал их серого цвета в ночной темноте, но совершенно ясно видел их спокойное, дерзкое выражение.

- О чём ты?

- Как, ты думаешь, смазка оказалась под моей тарелкой? - спросил Габриэль. Он кружил пальцами по его затылку, и от этого ощущения тело Эвана покалывало, а кончики пальцев подрагивали.

- Не знаю. Ты ее туда положил? - предположил он. По телу прошла дрожь.

- Мне ее сунул в руку Гаррисон, когда уходил, - сказал Габриэль. - Он знает, что я влюблен в тебя. И таким образом дал мне добро.

Влюблен... дал добро... сунул смазку... влюблен... он знает...

- Это какая-то игра? Ты играешь со мной? - О черт, о черт, Габриэль играет с ним, он соблазнил его, чтобы разрушить его с Гаррисоном дружбу, Габриэль...

- Я хотел тебя, - ответил Габриэль. - Не мог выбросить из головы мысли о тебе, не мог перестать думать о тебе, поэтому рассказал об этом Гаррисону. Мы говорили об этом, иногда ругались из-за этого, но он пообещал, что, если сможет, придумает выход из этого положения.

- Ты же не знаешь меня, - сказал Эван. - Мы с тобой почти не общались. Ты игнорировал меня, даже находясь рядом.

- Я захотел тебя с первой же нашей встречи, - признался Габриэль. - Я пытался не думать об этом. - Его руки поглаживали грудь Эвана – теплые, неторопливые. - Чем больше я тебя видел, тем больше хотел, поэтому избегал насколько только это было возможно. Я не хотел своими чувствами испортить что-то в наших отношениях с Гаррисоном. Потом я услышал тебя по телефону.

- Что?

- Я поднял трубку, чтобы позвонить, и услышал ваш с Гаррисоном разговор.

Эван нахмурился, его пальцы сами собой медленно прошлись по позвоночнику Габриэля.

- Ты подслушивал?

- В первый раз это получилось случайно.

В первый раз. Эван поцеловал его.

Тихо застонав, Габриэль перекатился на спину, затачив Эвана на себя. Когда Эван поцеловал его в шею, он снова застонал, запустив пальцы в его волосы. Он говорил – учащенно, прерывисто дыша – о том, как слушал по телефону его голос, о том, как ему было интересно и как он был им очарован, о том, как постепенно его узнавал, о том, как осторожно и тихо дышал, чтобы не быть услышанным, о том, как прикрывал ладонью рот, приглушая свой смех, о том, как сторожил телефон, хищно уставившись на него и боясь пропустить звонок от Эвана, о том, как стал даже что-то записывать, о том, как с каждым звонком влюблялся в него все сильнее и сильнее.

Эван оторвался от шеи Габриэля, чтобы поцеловать его в губы.

- Гаррисон понимает, - глядя в глаза Эвана и поглаживая пальцами его щеку, сказал Габриэль. - Он обещал, что поможет мне.

- Он специально все это устроил. - Эван не был уверен, какие чувства это осознание в нем вызывает. Кожа Габриэля искушала его руки, к ней так и хотелось прикоснуться.

- Забери меня к себе домой, - попросил Габриэль.

- Я не выдержу жизни с тобой, - ответил Эван. - Финансовую сторону я потяну, но я не выдержу эмоционально. Я не переживу, если ты будешь ходить по клубам и изменять мне. Если ты оставишь меня ради какого-нибудь парня с деньгами. - Ему нужен Габриэль. Нужно, чтобы он принадлежал только ему одному.

- Я развлекался с другими парнями, потому что Гаррисон не был против и потому что я его не любил. Ты против этого, и я тебя люблю. - Габриэль поцеловал его, потираясь о него телом, шепча: - Забери меня к себе домой.

Все не так просто. Все не может быть так просто. Это слишком много, слишком сразу. Он не может просто взять и забрать Габриэля из постели Гаррисона. Не может так импульсивно начать жить с молоденьким студентом.

- Я буду твоим, - обещал Габриэль, нежно, неспешно целуя его. - Я буду твоим и только твоим.

Его. Его и только его. Его.

- Я слышал, как ты спрашивал Гаррисона обо мне, - промурлыкал Габриэль, все еще целуя его, все еще лаская его лицо подушечками пальцев. - Слышал, как ты дышал, когда он рассказывал о том, как спит со мной. Я знаю, что ты хочешь меня. Знаю, что ты хочешь много чего сделать со мной.

Его. Он хочет, чтобы Габриэль был его. Габриэль – эмоционален, иррационален и озабочен, но Эван не мог представить его другим.

Поцелуи Габриэля заставляли его стонать и гореть от желания. От страсти все внутри сжималось в клубок.

- Я дам тебе все, что ты захочешь, - шептал Габриэль. - Я сделаю тебя счастливым. Со мной ты будешь чувствовать себя таким сексуальным, таким умным и таким сильным, каким никогда в жизни себя не чувствовал. Я больше никому не позволю прикоснуться к себе. Я устроюсь на работу. - В его поцелуях ощущались страсть и отчаяние. - Только возьми меня к себе и скажи мне, что я твой.

- Равные, - сказал Эван, проталкивая слово сквозь застилающие сознания туман желания и дымку возбуждения. - Мы должны быть равны. Я не хочу владеть тобой. - Только это ложь, потому что он хотел этого.

- Нет, хочешь, - промурлыкал Габриэль, облизывая его губы. Эван застонал и тоже заскользил языком по его губам, обняв ладонями округлые ягодицы. - Ты можешь владеть мной, не считая меня своей собственностью. Я покажу тебе как. Только возьми меня к себе домой.

- Ты говоришь так уверенно. - Сам Эван не был уверен ни в чем, кроме одного – он влюбился, и дороги назад уже нет.

- Я знаю, чего хочу, - ответил Габриэль – его голос стал тихим, напряженным. - Я знаю, что мне нужно.

Только через сорок пять минут, наполненных желанием пробраться Габриэлю под кожу, Эван смог уговорить себя выпустить мальчика из рук. Пока Габриэль собирался, он прибрался в кухне. Габриэль оставил Гаррисону записку, и они ушли.

Позже они разобрались с тем, кто какие дела делает по дому и кто за что платит, и обнаружили, насколько хорошо подходят друг другу в совместной жизни. Позже они установили график времяпровождения – когда идти в клуб, когда заниматься домашними делами, когда работать и когда просто наслаждаться обществом друг друга. Но в те первые часы вместе, когда восходило солнце и начинало светать, когда они занимались любовью, а потом Габриэль изучал свой новый дом, Эван понял, что перевернутая всего лишь за одну ночь жизнь – это совсем не страшно, это замечательно.

КОНЕЦ

Переводы сайта <http://best-otherside.ru/>